
М. Б. СВЕРДЛОВ

Символы как явление и выражение сущности древнерусской действительности

Особая значимость символов в средневековой русской государственности, литературе и искусстве явно недооценивается в новой и новейшей отечественной филологической и исторической науке. В советский период этому препятствовало господство экономического детерминизма, во что трансформировался тогда марксизм. В наше время науки об обществе испытывают натиск того направления позитивистской методологии, которое имеет тенденцию к ограничению исторической действительности отдельными фактами, а также постмодернизма с его свободой авторского самовыражения без доказательств.

Поэтому для продолжения аналитического изучения средневековой русской истории и литературы актуально, в частности, изучение символов как одной из составляющих знаковых систем древнерусской действительности. В данной научной проблеме необходимо определить как ее теоретические основы, так и фактическое содержание, раскрываемое в разных видах исторических источников.

Уже концепция Платона устанавливала тождество явления и символа идеи, идеи и символа. Символом являлась аристотелевская «сущность», которая предполагала взаимное выражение (отражение) факта и смысла, того, что материально, и того, что идеально.¹ Ежедневная жизнь средневекового общества также подразумевала в символах единство материального и идеального, что сублимировалось, в частности, в «реализме иконы».²

В Новое время осмыслению соотношения сущности, символа и реалий действительности способствовала философская концепция Ф. В. Й. Шеллинга (1775—1854). В соответствии с ней Абсолют объективизирует себя в идеальной природе, при этом сама природа представляет собой систему единичных вещей. В то же время Абсолют как объективность превращает-

---

¹ Концепцию символов А. Ф. Лосева недавно исследовала и систематизировала Тереза Оболевич: *Оболевич Т. От имяславия к эстетике: Концепция символа Алексея Лосева: Историко-философское исследование. М., 2014. С. 138—139 (польское издание 2011 г.).*

² Там же. С. 88—92.

ся в Абсолют как субъективность. Она выражается в мире представлений, в идеальном мире человеческого знания, когда единичное обобщается до всеобщего. Синтезом является постигаемое взаимопроникновение реального и идеального.³ Г. В. Ф. Гегель (1770—1831) объяснил первичность сущности и вторичность явления: сущность является в конкретных видах действительности. При этом раскрывается содержательное единство сущности и множественности явлений как выражения сущности.

Философские концепции Ф. В. Й. Шеллинга и Г. В. Ф. Гегеля, романтическое направление в гуманитарных науках со свойственным ему особым вниманием к историческому прошлому в национальных культурах, а также мифологическая школа, объединявшая культуры разных индоевропейских народов в едином историко-культурном процессе, способствовали созданию выдающегося труда Я. Гримма (1785—1863) «Германские юридические древности» (первое издание в 1828 г.). В нем на значительных древнегреческих, римских, германских, романских, славянских материалах раскрыто символическое значение и правовое содержание многих реалий древнего быта. Я. Гримм установил в средневековой германской юридической практике прежде всего использование устойчивых словесных формул (Formeln) и многочисленных символов (Symbole), которые являлись реальным удостоверением совершенных сделок, в частности, купли-продажи, установления определенных социальных отношений, в частности господства и подчинения, степени общественного достоинства, личных связей (супружество, детство). В качестве таких символов, подчас совпадающих в своем значении у разных европейских народов в античной древности и средневековье, Гримм указал землю, дерн, траву, солому, жезл, руку, палец, ногу, волосы, шляпу (шапку), перчатки, обувь, монеты, камень, повозку, плуг, стул, стол, воду, вино, кровь, огонь, знамя, меч, стрелу, копьё и т. д. Отметил Гримм также двужначность некоторых символов, а также символические значения некоторых чисел. Во французской исторической науке данное исследовательское направление поддержал М. Мишле (1798—1874).⁴ Тождество многих из этих символов у разных народов объективно свидетельствовало об их происхождении еще в индоевропейский период. Впрочем, индоевропеистика как наука в первой половине XIX в. еще только формировалась, в частности, благодаря исследованиям Я. Гримма.⁵ Но уже в начале XX столетия, обобщая накопленный исследовательский опыт, Н. П. Павлов-Сильванский уверенно писал, предвзяруя свои наблюдения над юридическими символами: «1) Сходство славянского и в частности русского права с германским, латинским и другими объясняется не заимствованием, а общим арийским происхождением, и сходное развитие их — действием одинаковых первобытных условий жизни; 2) Славянское право из всех арийских прав наиболее родственно германскому».⁶

³ Коплстон Ф. От Фихте до Ницше. М., 2004. С. 135.

⁴ Grimm J. Deutsche Rechtsaltertümer. 2. Ausg. Berlin, 1854. S. 31—225; Michlet M. Origines du droit français cherchées dans les symboles et formules du droit universel. Paris, 1837.

⁵ Топоров В. Н. Индоевропеистика // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 182.

⁶ Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в удельной Руси. СПб., 1910. С. 425.

Значительные возможности исследования символов от их описаний до анализа связей внешнего выражения с сущностью изучаемых явлений в разных научных направлениях романтизма и позитивизма способствовали распространению их изучения в XIX в. в работах историков, филологов, этнографов, историков права. В общеевропейском научном контексте изучение символов оказало значительное влияние на гуманитарные науки и в России XIX в.⁷

Особую роль в преодолении позитивистского ограниченного подхода к изучению символов имела философская концепция А. Ф. Лосева, который исследовал объективное содержание символа в 1920–1980-е гг. прежде всего на материалах языка, литературы и искусства. В ней показано содержание символа как выражения сущности, в чем она совпадала с концепцией Г. В. Ф. Гегеля, появление у символа новых смыслов, многозначности, равно как и возможная изначальная смысловая двойственность символа, о чем ранее писал Я. Grimm. А. Ф. Лосев рассматривал его содержание как выражение одного измерения действительности посредством другого. Отсюда значительные возможности философского осмысления символа как взаимного проникновения идеи и образа, смысла и его выражения, как проявления сущности вещи, выражения одной действительности в другой, отражения вещи в сознании. По А. Ф. Лосеву, символ есть единство двух факторов действительности — реального и идеального, сформулированного в человеческом сознании. Поэтому в его концепции символ состоит из элементов идеального и материального. Он — воплощение идеи в материи конкретной вещи, осуществление смысла посредством внешних средств выражения. В то же время символ — связь символизируемой вещи и ее познания. Вследствие этого символ обладает свойством всеобщности. В таких идеях А. Ф. Лосев вновь оказался близок концепциям Ф. В. Й. Шеллинга, Г. В. Ф. Гегеля и Я. Гримма.

Благодаря значительному исследовательскому потенциалу теория А. Ф. Лосева позволила установить соотношение символа и других семантических категорий. Символ есть знак, но не каждый знак — символ, символ — развитый знак, имеющий множество значений, знак — неразвитый символ. Символ креативен: он может не только обладать двузначностью, многозначностью, но и создавать новые значения. Каждая эмблема — символ, но не каждый символ — эмблема, содержание символа больше содержания эмблемы. Символичны природа, общество и вся действительность как таковая. Особым видом являются идеологические и побудительные символы. В символе осуществляется внешняя (явная) и внутренняя (скрытая) корреляция, которая может совершаться разными способами. Символ «первой степени» — тождество идеи и явления. Символ «второй степени» «указывает не на самого себя, а на нечто иное, чем сам он не является». По А. Ф. Лосеву, подлинный смысл соответствующим образом организован. Символ обладает значительными познавательными возможностями.⁸

⁷ Пытин А. Н. История русской этнографии. Т. 2: Общий обзор изучений народности и этнография великорусская. СПб., 1891; Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в удельной Руси. С. 425–452.

⁸ Оболевиг Т. От имяславия к эстетике. С. 268, 304–368.

В XX в. большое значение символов в средневековой жизни европейских народов стало анализироваться французской школой «анналов», исходившей из принципов исторического синтеза. В определенной мере результаты исследований этого научного направления были обобщены в работе М. Пастуро. Он не учитывает результаты философских разысканий, следуя традиции прежде всего французских прагматических исследований. Но М. Пастуро также отметил значение символа как способа мышления и восприятия средневекового человека. Близок он к предшественникам-философам в понимании природы символа, который, по его словам, «обозначает не физическую личность, а абстрактную сущность, идею, понятие, представление». Отметил он возможную двойственность символов, которые могут быть одновременно также эмблемами. Подобно предшественникам, но, основываясь на своих исследованиях, М. Пастуро пишет, что «средневековое мышление по аналогии старается установить связь между явным и скрытым и, главным образом, между тем, что присутствует в этом мире и тем, что находится среди вечных истин мира потустороннего», и делает из этого конкретный вывод: «Следовательно, слово, форма, цвет, материал, число, жест, животное, растение и даже человек могут иметь символическое значение <...>». По М. Пастуро, средневековое искусство толкования «заключается в том, чтобы уловить эту связь между материальным и нематериальным и, изучив ее, добраться до скрытой сути вещей». Свои наблюдения он обобщил в афоризме: «Для историка — а для историка Средневековья, пожалуй, в особенности — воображаемое всегда является частью реальности, воображаемое само по себе — реальность».

Выводы М. Пастуро на новейшем уровне объединили результаты исследований многих поколений предшественников, подтверждая их объективность: «Во многих областях замена целого частью представляет собой первую ступень символизации. Например, в культе мощей кость или зуб представляют всего святого; если речь идет о репрезентации короля, то корона или печать способны в полной мере “заменить” суверена; при передаче земли вассалу горстки земли, пучка травы или соломинки будет достаточно, чтобы обозначить всю землю; при изображении того или иного места башня представит целый замок, дом — город, а дерево — лес». А потому в полной мере обоснован его вывод: «Символ всегда весомее и подлиннее реального человека или вещи, которых он должен представлять, потому что в Средневековье истина всегда находится вне реальности, в мире высшего порядка. Истинное не есть реальное».⁹

Эти и многие другие исследования обращают внимание на особое значение символов в исторической и современной действительности.¹⁰ Их изучение является сейчас одной из научных проблем семиотики. Автор этих строк обращался ранее к проблеме символов при анализе деятельности князей в Русском (древнерусском) государстве X—первой трети

⁹ Пастуро М. Символическая история европейского средневековья. СПб., 2012. С. 7, 9, 14—16 (французское издание 2004 г.).

¹⁰ О продуктивности символа как категории современной философской мысли см.: Никоненко С. В. Реальность, символы и анализ: Философия по ту сторону постмодернизма. СПб., 2012.

XIII в.¹¹ Но в новейшей историографии под влиянием натиска позитивизма и постмодернизма изучение символов как составляющей средневековой русской действительности, раскрывающей ее сущностное содержание, продолжает оставаться без достаточного внимания.

Смысл древнерусских символов, содержащихся в произведениях древнерусской письменности и материальной культуры, раскрывается только в единстве с характеристиками государственного и общественного строя Руси X—первой трети XIII в. Его изучению посвящено бесчисленное множество работ и сформулировано много концепций.¹² Поэтому следует изложить наши выводы, которые сделаны в соотнесении с накопленным коллективным опытом теоретических и конкретно-исторических исследований.

В IX—X вв. вследствие внутренних экономических, социальных и политических процессов образовалось Русское (древнерусское) государство, простиравшееся от Ладоги до Среднего Поднепровья, а к концу X в. также — от Галиции и Волыни до Верхней Волги. Оно изначально было многоэтническим при определяющем государствообразующем значении восточных славян. Самоназваниями этого государства являлись *Русь*, *Русьская земля*. Иностранцы современники осознавали его политическое единство. В середине X в. византийский император Константин VII Багрянородный называл это государство *Ῥωσία*. С начала XI в. в немецких латиноязычных памятниках оно постоянно указывалось в вариационных формах — *Ruscia*, *Ruzzia*, *Ruzia*, *Rucia*.¹³ Поэтому для огромной восточноевропейской страны далее использованы названия, основанные на самоидентификации и названии современниками — *Русь*, *Русское государство*, *российская государственность*, но не условный научный термин *древнерусское государство*.

Русскому государству были свойственны в IX—X вв. основные институты, присущие также современной государственности: 1) публичная власть — княжеская династия Рюриковичей, 2) податная система — ежегодные фиксированные подати товаро-деньгами, мехами белок и куниц, от дыма-дома, хозяйства малой семьи, т. е. распространенный в европейских странах, включая Византийскую империю, налог *подымное*, 3) основной источник права — Закон Русский (Правда Русская), нормы которого были учтены при составлении русско-византийских договоров 911 и 944 гг., 4) войско. В самостоятельное княжение Ольги началось введение пятого основного государственного института — вместо еще сохранявшихся племенных княжений формирование территориального деления: введение погостов — административно-судебных центров в сельской местности, которые существовали наряду с городами — центрами городской волости.

Религиозно-идеологическим выражением такого состояния Русского государства стало распространение христианства — религиозной системы

¹¹ Свердлов М. Б. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI—первой трети XIII в. СПб., 2003.

¹² Историографический анализ см.: Свердлов М. Б. Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII—XX вв. СПб., 1996.

¹³ Повесть временных лет / Подгот. текста, пер., статьи, коммент. Д. С. Лихачева. СПб., 1996. С. 401—404; новейшую историографию проблемы см.: Свердлов М. Б. Дополнения // Там же. С. 596—597.

единобожия и нового религиозно-нравственного учения, активно противостоявшего язычеству. Этим объективным процессам соответствовало стремление княгини Ольги укрепить во второй половине 950-х гг. христианскую организацию на Руси посредством учреждения епископии. Всего через тридцать лет Владимир Святославич ввел христианство на Руси в качестве государственной религии. Те же процессы государствообразования и утверждения христианства как государственной религии происходили в IX—X вв. в странах южных и западных славян.¹⁴

Российской государственности второй половины IX—X вв. были свойственны свои символы. Прежде всего — ее князь. В праславянский период до VI—VII вв., а также в процессе становления восточнославянского этноса, когда в VIII—IX вв. существовали предгосударственные образования племенных княжений и межплеменных союзов, князья еще избирались в продолжение славянской традиции. Могли избираться неславянские по происхождению князья: франкский купец Само у западных славян, конунг Рёрик (Рюрик) — у восточных славян. Но затем они исполняли обязанности славянских князей по управлению и защите избравших их племен.

Особенностью формирования Русского государства являлась его многоэтничность. В процессе его становления в X в. восточнославянские племенные князья и племенная знать начинали служить княжеской династии Рюриковичей или они уничтожались в случае неповиновения. В результате такой концентрации власти титул *князь* стал относиться только к Рюриковичам. Поэтому князем на Руси нельзя было стать, им можно было только родиться.

Большое значение в формировании системы новых государственных символов имели материальные процессы. Интеграции обширных земель Восточной Европы способствовала, в частности, система речных путей. Она обеспечивала коммуникации разного назначения во все времена года. В этой системе особое значение приобрели два великих транзитных пути: со второй половины VIII в. — Балтийско-Волжско-Каспийский и с рубежа VIII—IX вв. — Балтийско-Днепровско-Черноморский (так называемый путь «из варяг в греки»). Функционирование этих путей на северо-западе Восточной Европы обеспечивали с середины VIII в. Ладога, а с X в. — Новгород. В формировании Русского государства во второй половине IX—X в. именно эти два города вследствие расположения на Волхове — важнейшей магистрали данных двух путей — стали особо значимыми, тогда как постоянное взимание торговых и проездных пошлин позволило накапливать в них, особенно в Новгороде, большие денежные средства. Все эти причины стали материальным основанием того, что преемник Рюрика на княжеском столе в северо-западном государственном образовании Олег, вероятно, дядя по матери Игоря, сына Рюрика, использовал военно-политические и экономические преимущества этой государственности. В 882 г. (по летописной хронологии) он подчинил своей власти южное государственное об-

¹⁴ См.: Свердлов М. Б. 1) Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. С. 23—105; 2) Становление феодализма в славянских странах. СПб., 1997. С. 43—188; 3) Домонгольская Русь. С. 83—307; там же см. литературу по каждой теме данной статьи.

разование, существовавшее тогда в Среднем Поднепровье с центром в Киеве. В разное время там княжили Аскольд и Дир. Туда Олег перенес свой стол-престол как символ постоянного пребывания князя-Рюриковича. Киев стал «стольным городом» Русского государства.

В результате такого развития российской государственности появилась ось Киев—Ладога (с X в. Новгород). Она имела особое экономическое (контроль над обоими великими транзитными путями), политическое и идеологическое (обеспечение единства государственного пространства), а также историческое (происхождение династии Рюриковичей) значение. Молодое государство продолжило политику включения в свой состав и интеграцию восточнославянских племенных княжений.

Объективное содержание имела также внешнеполитическая деятельность русских князей в X в. Грандиозный поход Олега в 907 г. на Константинополь и русско-византийские договоры 907 и 911 гг. (существование особого договора 907 г. дискутируется), походы на Константинополь князя Игоря, преемника Олега на киевском столе, заключение им русско-византийского договора 944 г. обеспечили максимально благоприятное пребывание русских послов и купцов, а также беспошлинную торговлю в этом самом большом и богатом европейском городе того времени. Договор 971 г. Святослава Игоревича, заключенный в особых обстоятельствах военных действий, имел военно-политическое значение.

Данный экономический и общественно-политический контекст позволяет раскрыть содержание символов, относившихся к князю и княжеской власти на Руси X в. Сведения о них восходят к разным по происхождению видам исторических источников.

Тексты русско-византийских договоров X в. сохранились в составе византийской копийной книги и были переведены с их списков на Руси.¹⁵ В договорах 911, 944 и 971 гг. глава Русского государства назван *великий князь*. В новейшей литературе Я. Малингуди возвела слово *великий* в титуле *великий князь* к греческим «почетным» прилагательным *περιφανής*, *περιφανέστατος* или *λαμπρός*, *λαμπρότατος* в соответствии с византийской практикой и древнеславянскими переводами византийской литературы.¹⁶ Но это было не случайное явление, а начало длительного процесса выработки устойчивого титула *князь великий*.¹⁷ Вероятно, титул *великий князь* в тексте договора стал следствием выделения киевского князя из числа других князей, возглавлявших племенные княжения в составе Русского государства. Такая величающая форма титула приобрела в X в. символическое значение. Оно нашло выражение позднее также в «Слове о законе и благодати» (ок. 1037—1050 гг.) митрополита Илариона: «Сии славныи от славныхъ

¹⁵ Особое значение в реконструкции греческого текста договоров имеет в новейшей историографии исследование: *Malingoudi J. Die russisch-byzantinischen Vorträge des 10. Jhds. aus diplomatischer Sicht. Thessaloniki, 1994*; историографию конкретного содержания их статей см.: *Свердлов М. Б. Василий Никитич Татищев — автор и редактор «Истории Российской»*. СПб., 2009. С. 208—311.

¹⁶ *Malingoudi J. Die russisch-byzantinischen Vorträge... S. 39—40. Anm. 86; S. 57. Anm. 120.*

¹⁷ *Каиштанов С. М. Из истории русского средневекового источника: Акты X—XVI вв. М., 1996. С. 40—43.*

рожься, благородень от благородных, каганъ нашъ Влодимеръ <...>¹⁸ (здесь и далее тексты цитируются в упрощенной транскрипции, курсив наш). Тюркский титул *каган* имел в данном случае также историческое содержание. Он использовался по отношению к правителю руссов еще в X в., вероятно, был заимствован у хазар и политически направлен против них.¹⁹

Как символ княжеской власти на Руси в договоре 911 г. указана *рука*. В интитуляции договора 911 г. после перечня послов «от рода рускаго» конкретно названа сторона, которая отправила их для переговоров с императорами-соправителями: «<...> от Олга, великого князя рускаго, и от всех, иже суть *под рукою его*, светлых и великих князь и его великих боярь». Далее в интитуляции русская сторона указана расширительно: «<...> от всех, иже суть *под рукою его* сущих Руси». В преамбуле договора указано требование русской договаривающейся стороны дружественных отношений империи «ко княземъ нашим светлым рускым» и вновь расширительно «ко всем, иже суть *под рукою* светлаго князя нашего».²⁰

Еще А. Л. Шлѣцер, исходя из содержания этого текста, заметил, что *рука* означала в нем «верховную власть верховного князя Олега».²¹ И. И. Срезневский в контексте наблюдений Я. Гримма указал на средневековое общеевропейское распространение понятия *руки* как символа власти, которая распространялась на подчиненных Олегу и Игорю князей вследствие обстоятельств или в качестве вассалов.²²

В русско-византийском договоре 944 г. понятие *рука* не использовано, но указаны высшие функции *великого князя рускаго* Игоря как гаранта урегулированной русско-византийской торговли, поведения русских людей на территории империи, в частности, посредством посылаемых князю грамот («аще ли безъ грамоты придуть, и преданы будутъ нам, да держимъ и хранимъ, донде же възвестимъ князю вашему», «аще <...> убьени будутъ, да не изищется смерть ихъ от князя вашего», «аще ли убежавше в Русь придуть, мы напишемъ ко князю вашему, яко имъ любо, тако створять», «да запретить князь сломъ своимъ и приходящимъ Руси сде, да не творять бещинья в селехъ, ни въ стране нашеи» и др.).²³

Символическое значение *руки* как выражение сущностного содержания власти династии Рюриковичей по отношению ко всему населению Русского государства уже в первой половине X в. раскрывается в труде императора Константина Багрянородного «Об управлении империей». Написан он был в 948–952 гг. с привлечением самых разных материалов при участии

¹⁸ Слово о законе и благодати митрополита Киевского Илариона / Подгот. текста, коммент. А. М. Молдавана // БЛДР. 1997. Т. 1. С. 44, 480.

¹⁹ Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962. С. 131; Коновалова И. Г. О возможных источниках заимствования титула «каган» в Древней Руси // Славяне и их соседи. Вып. 10: Славяне и кочевой мир. М., 2001. С. 123–125; см. там же литературу.

²⁰ ПВЛ. С. 18.

²¹ Schlözer A. L. Нестор: Russische Annalen in ihrer Slavonischen Grundschrache <...>. Göttingen, 1805. 3. Т. S. 309.

²² Срезневский И. И. О договорах князя Олега с греками. СПб., 1854. Стб. 265 (Отд. отт.).

²³ ПВЛ. С. 23–26.

многих людей, причем автор текстов, относившихся к России (Ῥωσία), знал славянский язык и учитывал сведения местных жителей.²⁴

Император так обобщил сведения, которыми он располагал: «Когда наступает ноябрь месяц, тотчас их ῥρχοντες выходят со всеми росами из Киева и отправляются в λολύδια, что именуется γύρα, а именно — в Славинии вервианов (древлян. — М. С.), другувитов (дреговичей. — М. С.), кривичей, севериев (северян. — М. С.) и прочих славян, которые являются пактиотами росов. Кормясь там в течение всей зимы, они снова, начиная с апреля, когда растает лед на реке Днепр, возвращаются в Киев».²⁵ Данное сообщение приведено в переводе Г. Г. Литаврина, полностью соответствующем греческому тексту. Его смысл раскрывается через содержание использованных в нем ключевых понятий.

Их значениям посвящена значительная научная литература. Сделанные в ней наблюдения, а также наши выводы²⁶ позволяют раскрыть содержание *полюдья* в первой половине—середине X в. как института прямого административно-судебного управления в виде объезда (γύρα) племенных княжений, которые тогда входили в состав Русского государства. Во время исполнения этих обязанностей великий князь, члены великокняжеской семьи, княжьи мужи (ῥρχοντες) с дружинами *кормились*. Константин Багрянородный использовал для этого социально-политического явления адекватный глагол διατρέφω. Этот *корм* являлся свойственным средневековью натурально-денежным обеспечением служилых князю людей, т. е. ранним неземельным феодем.

Таким образом, формула *под рукою* великого князя содержала в себе на Руси первой половины — середины X в. как и в странах Западной Европы того же времени, да и позднее, символы *вассальной службы*, сеньориально-вассальных отношений служилых князю людей, дружины (*рука, корм*), и *власти* великого князя по отношению к еще существовавшим племенным князьям и простым людям, которые платили ежегодную подать-дань и исполняли повинность в виде перевозок по суше и по воде — *повоз*.

Труд Константина Багрянородного «Об управлении империей» позволяет раскрыть некоторые из экономических и политических оснований символического значения в России (Ῥωσία) князя и его власти в первой половине—середине X в. В девятой главе этого сочинения «О росах, отправляющихся с моносилами из Росии в Константинополь» сообщается: «[Да будет известно], что приходящие из внешней Росии в Константинополь моносилы являются одни из Немогогарда (Новгорода), в котором сидел Сфендослав, сын Ингора, архонта Росии, а другие из крепости Милински (Смоленск), из Телиуцы (Любеч), Чернигоги (Чернигов) и из Вусеграда (Вышгород). Итак, все они спускаются рекою Днепр и сходятся в крепости Киоава (Киев), называемой Самватас». Далее написано, что славяне из «Славиний», входивших в состав *Росии*, направляются на моносилах

²⁴ Константин Багрянородный. Об управлении империей: Текст, пер., коммент. / Под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. М., 1989. С. 5, 24—30, 291—293.

²⁵ Там же. С. 50, 51.

²⁶ Там же. С. 329—331; Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. С. 165—172; см. там же литературу.

в Киев. В июне они спускаются вниз по Днепру к Витичеву, где собираются и отправляются в Константинополь.²⁷

Эти сведения объясняют: великий князь, находясь в Киеве, контролировал всю торговлю русских купцов в Константинополе, где они вследствие успешных походов князей Олега и Игоря на столицу Византийской империи находились в максимально благоприятных условиях беспошлинной торговли и на обеспечении византийской стороны. Именно служилые люди великого князя должны были обеспечить формирование купеческих флотилий. Как сообщается в договоре 944 г., «великий князь русский и боляре его» должны были снабдить послов удостоверительными золотыми «печатами», а купцов — серебряными и отправлять флотилии с грамотами, «пишуче сице: яко послахъ корабль селико». «Печати», вероятно, представляли собой подвески с княжеским геральдическим знаком Рюриковичей.²⁸ Таким знаком первоначально был двузубец, но вследствие геральдического содержания он имел тенденцию к саморазвитию. Еще в языческий период Владимир Святославич трансформировал традиционный для Рюриковичей *двузубец* — геральдический знак и знак собственности в *трезубец*, выражение своего особого положения по отношению к братьям, Ярополку и Олегу. Позднее эти знаки развивались на основе *двузубцев* и *трезубцев*, дополненных так называемыми *отпятышами*.²⁹ Эти геральдические знаки символизировали принадлежность людей и предметов, их носителей, к власти или собственности князя.

Великий князь обеспечивал постоянное функционирование важнейшего транзитного Балтийско-Днепровско-Черноморского пути на всем пространстве Русского государства. Отсюда, как отмечено ранее, особое значение Ладоги, а с X в. Новгорода как необходимой экономической, политической, исторической и идеологической составляющей оси Киев—Ладога (Новгород). Сообщение Константина Багрянородного о том, что в княжение Игоря *сидел* в Новгороде его сын Святослав, указывает на то, что для такого контроля над столь отдаленными от Киева Ладогой и Новгородом (и северо-западом *России* в целом) необходимо было физическое присутствие князя. Таким князем являлся Святослав. Но, как известно, когда князь Игорь погиб, его сын был совсем юным (*детескъ*).³⁰

Эти исторические предания, записанные в ПВЛ, подтверждаются повествованием Константина Багрянородного о том, что во время прибытия княгини Ольги в Константинополь в 957 г. она была им принята как правительница государства. Его сообщения в труде «О церемониях императорского дворца» точны, поскольку он являлся участником событий. Г. Г. Литаврин проанализировал эти сообщения и пришел к обоснованному выводу, в соответствии с которым в сообщаемых фактах отразилось не только регент-

²⁷ Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 44—47, 291—319.

²⁸ ПВЛ. С. 24; Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. С. 154—155; см. там же литературу.

²⁹ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. М., 1970. Т. 1. С. 38—41; Белецкий С. В. Начало русской геральдики (знаки Рюриковичей X—XI вв.) // У источника: Сб. ст. в честь чл.-кор. РАН С. М. Каштанова. М., 1997. Ч. 1. С. 93—171.

³⁰ ПВЛ. С. 27, 28.

ство Ольги во время малолетства Святослава, но также ее полновластие.³¹ Именно «правительницей и княгиней россов» (ἔτι τῆς ἡγέμευος καὶ τῆς ἄρχοντισης Ἐλγας τῶν Ῥῶς) названа она в труде Константина «О церемониях» в отличие от иноземных «послов», которых император принимал в том же великолепном дворцовом здании — «великом Триклине Магнавыры».³² Такой статус княгини Ольги в период ее регентства, охарактеризованный многоопытным императором Константином Багрянородным, соответствует повествованию о ней ПВЛ.

Все эти известия свидетельствуют о том, что юный Святослав, который находился в Новгороде в киевское княжение отца, являлся символом его власти, знаком его присутствия. Реальное управление Новгородом осуществляли в середине X в. родственники Игоря и княжие мужи. Такой прямой контроль киевского князя над Новгородом вызывался объективной необходимостью и был продолжен. В киевское княжение Святослава князем в Новгороде являлся его сын Владимир, в киевское княжение Владимира — последовательно его сыновья Вышеслав и Ярослав, в киевское княжение Ярослава — последовательно его сыновья Илья, Владимир и Изяслав.

Данная традиция продолжилась весь период политического единства Русского государства до первой трети XII в., хотя на новгородском княжеском столе со второй половины XI в. оказывались представители разных местных княжеских династий, восходивших к братьям Ярославичам. Продолжилась она и в начавшийся со второй трети XII в. период политической раздробленности этого государства. Некоторые новгородские князья становились реальными участниками политического процесса, тогда как другие лишь символизировали присутствие в Новгороде своих отцов, поскольку были слишком молоды. В конце периода политического единства Владимир Мономах посадил княжить в Новгороде своего 12-летнего сына Мстислава. Позднее, в период политической раздробленности, переяславский князь Ярослав Всеволодович, уходя в 1228 г. из Новгорода, «оставил» там сыновей — девятилетнего Федора и восьмилетнего Александра (будущего Невского). В 1230 г. Ярослав Всеволодович заключил договор с Новгородом и, отправляясь в свое отчинное княжество, «посадил» князьями одиннадцатилетнего Федора и десятилетнего Александра³³ (число подобных примеров можно увеличить). Таким образом, символическое значение князя в Новгороде менялось. По первую треть XII в. он символизировал политическое единство страны, со второй трети этого столетия — военно-политические и экономические интересы своих княжеств. Но в равной мере такое новгородское княжение могло быть реальным и только символом присутствия князя-правителя.

³¹ *Литаврин Г. Г.* Состав посольства Ольги в Константинополе и «дары» императора // Византийские очерки: Тр. советских ученых к XVI Международному конгрессу византинистов. М., 1982. С. 86.

³² *Constantini Porphyrogeniti. Imperatoris De cerimoniis aulae Byzantinae libri duo / Rec. I. I. Reiskii.* Bonnae, 1829. Т. I. P. 510—511; перевод см.: *Литаврин Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь: (IX—начало XII в.). СПб., 2000. С. 360—364.

³³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950. С. 66, 70.

Символическое присутствие князя-правителя объективно формировалось в процессе становления средневековой российской государственности и в историческом контексте. В Начальном своде (1093—1095), сохранившемся в составе Новгородской первой летописи младшего извода, написано о существовании «могилы» князя Олега в Ладоге.³⁴ Автор ПВЛ (1113—1116 гг., время ее написания дискутируется) уверенно утверждал, что после смерти Олега «погребоша его на горе, еже глаголеться Щековица; есть же могила его и до сего дни, словеть могила Ольгова».³⁵ Вне зависимости от реального места погребения Олега существенно то, что в исторической памяти оно символично идентифицировалось с основными центрами северного и южного пределов государства Олега — Ладогой и Киевом. При этом следует учитывать, вероятно, древнейшее происхождение традиции его ладожской «могилы», поскольку с X в. Ладогу заменил Новгород в качестве основного социально-экономического, политического и идеологического центра северо-запада Русского государства, тогда как деятельность Олега после подчинения среднеднепровского государственного образования осуществлялась преимущественно в южной части Восточной Европы.

Статус Ольги — правительницы государства, главы иерархической структуры служилых людей — дружины, еще сохранившихся племенных князей, владелицы двух «теремных дворов», в Киеве и вне города, а также господского хозяйства, состоявшего из сел, года Вышгорода и заповедных лесов,³⁶ предопределил ее символизированное церемониальное поведение. Как следует из описания Константином Багрянородным приемов ее 9 сентября и 18 октября в императорском дворце, поведению княгини была свойственна церемониальность.

В ближнем сопровождении Ольги находились родственницы архонтиссы и наиболее избранные из тех, кто ей прислуживал. За ними следовали послы и купцы «архонтов Росии», т. е. князей и высшей знати страны. Послы в свите Ольги, вероятно, представляли не только великокняжеских родственников, но также княжих мужей, которые управляли городами с волостями, и еще сохранившихся племенных князей, которые находились в иерархической зависимости, «под рукой», от великокняжеской династии.

Количество лиц, сопровождавших княгиню Ольгу на прием к императору, было значительным, а состав лиц, сопровождавших Ольгу во время торжественных императорских обедов, почти тождествен. В сравнении с немного различающимся количеством послов и купцов обращает на себя внимание постоянное число «прислуживающих» княгине — 18.³⁷

Разумеется, княгиня Ольга, сопровождавшие ее женщины и мужчины были одеты, как им предписывал императорский церемониал. Их одежды являлись символом социального статуса, так что они отличали людей, которые их носили, от прочего населения Руси. Значительная потребность

³⁴ НЛ. С. 109.

³⁵ ПВЛ. С. 20.

³⁶ Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. С. 182—196.

³⁷ Анализ рассмотренных здесь сведений Константина Багрянородного в его труде «О церемониях императорского дворца» см.: Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь. С. 168—204; Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. С. 196—202.

в дорогих тканях на Руси того времени подтверждается русско-византийским договором 944 г. В соответствии с ним империя стремилась максимально ограничить вывоз «паволок». В соответствии с договором русские купцы («Русь») не имели права покупать их более чем на 50 золотников. Сделанная покупка находилась под дальнейшим государственным контролем: покупатель должен был предъявить «паволоки» императорскому чиновнику («цареву мужу»), который эти ткани опечатывал, что давало право на их вывоз.³⁸

Многочисленные авторы видят в известиях ПВЛ и византийского хрониста Льва Диакона о князе Святославе Игоревиче, о его поведении и одежде обычного воина свидетельства архаического состояния общественного строя и культуры Руси того времени. Но они не учитывают того, что этот князь-воин лишь демонстрировал единство со своей дружиной и войском в сложнейших обстоятельствах военных действий. В действительности, он осуществлял важные для Русского государства внешнеполитические и экономические цели. Его договор, заключенный с Византийской империей, несмотря на тяжелые условия осады в Доростоле, предусматривал лишь обязательства Святослава не нападать на Византию и Болгарское царство и оказывать империи военную помощь.³⁹ Не учтены были также мудрые решения Святослава по сохранению в его отсутствие сыновьями Ярополком, Олегом и Владимиром контроля над территорией Русского государства.⁴⁰

Внешний облик Святослава в 971 г., описанный Львом Диаконом по свидетельствам очевидцев и неустановленного официального источника,⁴¹ содержит кроме упомянутой символически простой одежды князя и другие символы. У него была бритая голова, «но с одной стороны ее свисал клочок волос, — как разъяснил хронист, — признак знатности рода». В отличие от раннего западноевропейского средневековья, когда мужчинам было свойственно брить лицо или иметь бороду, у Святослава были длинные усы, в чем он был подобен изображению в виде идола главного восточнославянского бога Перуна. Исследователи не обратили внимания на символику камней золотой серьги Святослава: карбункул, красный гранат, — символ власти и жемчуг — символ особого общественного положения. Само его имя *Свято-слав* свидетельствовало не только об отношении к сакральному, но также о возрастании славы как высших качеств ее носителя.⁴²

Приведенные ранее сведения письменных источников указывают на то, что княжеской среде в языческий период были свойственны символы, которые относились к величальному обозначению киевского князя — прави-

³⁸ ПВЛ. С. 24.

³⁹ Там же. С. 34–35.

⁴⁰ Пресняков А. Княжое право в древней Руси : Очерки по истории X–XII столетий. СПб., 1909. С. 27–28; Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945. С. 276.

⁴¹ Лев Диакон. История / Пер. М. М. Копыленко. М., 1988. С. 82; Сюзюмов М. Я. Лев Диакон и его время // Там же. С. 144–145.

⁴² Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1: Первый век христианства на Руси. М., 1995. С. 486; Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. С. 226–227.

теля Русского государства X в., *руки* как символа его верховной власти и сеньориально-вассальных отношений служилых людей — дружины и еще существовавших племенных князей. Символами обозначалось присутствие правящего князя, когда он отсутствовал, а также почитание его памяти. Символическое содержание приобретала его одежда и его украшения. Разумеется, эти символы являлись лишь незначительной частью символизированной древнерусской действительности в языческий период.

Объективные процессы концентрации власти киевских князей, эволюция всей системы социальных отношений и государственности в X в. имели следствием исчезновение титула *князь* в применении к представителям местной знати и отнесение его, как отмечено ранее, только к членам правящей династии Рюриковичей.

Принятие христианства в качестве государственной религии стало началом нового периода в истории древнерусских символов. Христианство как религиозно-нравственное учение, Священное Писание, храм и христианское богослужение насыщены символами. Так что митрополит Иларион писал, используя символы-образы: «Прежде законъ, ти по томъ благодеть, прежде стень, ти по томъ истина. Образ же закону и благодети Агаръ и Сарра, работнаа Агаръ и свободна Сарра, работнаа прежде, ти потомъ свободнаа, да разумееть, иже чтеть!»; «Работющимъ ми наречется имя ново, еже благословится на земли, благословять бо Бога истиннааго» (Ис. 65: 15, 16); «Нъ ново узение — новы мехы, новы языкы!»; «Съвлезе же ся убо каганъ нашъ и съ ризами ветъхааго геловека, съложи тленна, оттрясе прахъ невериа и вълезе въ святую купель. <...> Имя приимъ вежно, именито на роды и роды, Василии, имже написася въ книги животныя въ вышнимъ граде и нетленнеимъ Иерусалиме»⁴³ и др.

Символом принадлежности Русского государства к христианству стало строительство по византийским образцам соборной церкви Пресвятой Богородицы — покровительницы «нового народа» (митрополит Иларион), его предстательнице перед Господом. Этот храм, освященный в 996 г., создал в стольном городе архитектурную доминанту и стал центром городского ансамбля — символом преемственности Киева по отношению к Константинополю, откуда родом была порфирородная принцесса Анна, жена князя Владимира. Этот ансамбль состоял из огромного по размерам храма, нескольких дворцовых зданий и скульптур, привезенных из Херсонеса.⁴⁴

Архитектура храма предусматривала, как и в Византийской империи, церемониальное шествие князя, княгини, их ближнего окружения на богослужение. В соборе была построена лестничная башня, по которой они поднимались на хоры. Там князь находился выше клира и всех прочих молящихся, но ниже изображений Христа, архангелов, пророков и святых. Такое его нахождение в храме символично указывало на место князя в иерархии небесной и земной в качестве правителя государства, на освященность его власти.

⁴³ Слово о законе и благодати... С. 28, 32, 38, 44.

⁴⁴ Раппопорт П. А. 1) Русская архитектура X—XIII вв.: Каталог памятников. Л., 1982. С. 7—10 (Археология СССР: Свод археологических источников. Е 1-47); 2) Древнерусская архитектура. СПб., 1993. С. 30.

Киевский собор Богородицы был разрушен во время штурма города войском хана Батыея в 1240 г. Поэтому о размерах ее хоров определенных сведений нет. Между тем, обширные размеры хоров сохранившихся княжеских соборов Софии Киевской, Спаса Черниговского, Софии Новгородской, построенных во второй четверти XI в.,⁴⁵ указывают на то, что их князья-заказчики продолжили традицию Софии Константинопольской в использовании ее хоров византийскими императорами в целях государственных. Как известно, императоры находились во время богослужения и государственных церемоний на южной галерее.

Символично использование русскими князьями сакрального пространства храма для княжеских погребений. Владимир Святославич, являясь князем православным, но, осмысляя себя в едином христианском пространстве, не только использовал западнохристианскую традицию материального обеспечения Церкви десятиной. Он учел также западнохристианскую традицию погребения правителей в храме. Как следует из записанного мерзебургским епископом и хронистом Титмаром (ум. 1 декабря 1018 г.) сообщения очевидца, «саркофаги» Владимира (ум. 15 июля 1015 г.) и его супруги Анны (ум. в 1011 г.) «открыто стоят посреди храма» (имеется в виду церковь Богородицы).⁴⁶ В Византийской империи такой традиции не было. Позднее на Руси стали хоронить князей в пределах южной галереи храма, выработав, таким образом, символизированный русский обряд княжеского погребения, в котором интегрированы западно- и восточнохристианские традиции. Древнейшие такие захоронения сохранились в Софии Новгородской.⁴⁷

Само строительство храмов символизировало могущество и богатство князей. Сохранившаяся София Киевская имеет ширину и длину около 30 м основного здания, с галереями — ширину 54,6 м, длину — 41,7 м. Вершина центрального купола поднимается на 28,6 м от уровня древнего пола. Построенные князьями в Новгороде соборы — Софийский (строительство завершено в 1050 г.), Николо-Дворищинский (заложен в 1113 г.), Георгиевский в Юрьевом монастыре (заложен в 1119 г.) и церковь Благовещения на Городище (заложена в 1103 г., не сохранилась) — организовывали городское пространство и являлись городскими доминантами.⁴⁸ В 1136 г. в Новгороде произошло восстание против Всеволода Мстиславича и его изгна-

⁴⁵ *Раппопорт П. А.* 1) Русская архитектура X—XIII вв. С. 11—13, 39—40, 65—66; 2) Древнерусская архитектура. С. 31, 33—36, 38.

⁴⁶ О Титмаре, его хронике и известиях о Руси см.: *Свердлов М. Б.* Известия о Руси в хронике Титмара Мерзебургского // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1975. М., 1976. С. 102—112; Латиноязычные источники по истории Древней Руси: Германия: IX—первая половина XII в. / Сост., пер., коммент. М. Б. Свердлова. М.; Л., 1989. С. 57—102; *Назаренко А. В.* Немецкие латиноязычные источники IX—XI веков: Тесты, пер., коммент. М., 1993. С. 131—205; см. там же литературу, мнения авторов по частным вопросам различаются.

⁴⁷ *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь. С. 288—290, 298—299, 303, 496—499; см. там же сообщения исторических источников и литературу; *Янин В. Л.* Некрополь Новгородского Софийского собора: Церковная традиция и историческая критика. М., 1988.

⁴⁸ *Раппопорт П. А.* Русская архитектура X—XIII вв. С. 12, 65—66, 70, 73, 74; *Кушинир И. И.* Архитектура Новгорода. Л., 1991. С. 14—26.

ние. Они стали началом формирования средневекового республиканского строя с избираемыми магистратами и ограничения в Новгороде княжеской власти. Вследствие этих событий в Новгороде произошли существенные изменения в архитектуре — сформировался новый тип храма, небольшого по величине, «значительно проще, скромнее и интимнее».⁴⁹ Эти изменения отразили не только меньшие финансовые возможности ктиторов, но также новую идеологию ктиторов и приходских общин.

Названия светских сооружений и посвящения церквей становились символами княжеских политических программ. Как давно было отмечено, построенные в Киеве при Ярославе Мудром Золотые ворота в новых городских оборонительных сооружениях, Софийский собор, церкви св. Георгия и св. Ирины, небесных покровителей правящего князя и его жены, повторяли посвящения главных константинопольских крепостных ворот и храмов. М. К. Каргер отметил демонстративность таких посвящений.⁵⁰ Продолжая это наблюдение, можно отметить, что такие посвящения символизировали не только церковную и светскую принадлежность Киева к системе ценностей столицы Византийской империи, но также возможность вызова по отношению к ней. Эту вторую возможность Ярослав осуществил, отправив в 1043 г. своего старшего сына Владимира в поход на Константинополь, а в 1051 г. возведя на кафедру митрополии своего ставленника Илариона избранием русских епископов. Поэтому, по нашему мнению, мысль о названии киевских сооружений из подражания⁵¹ недооценивает их символическую значимость, тогда как суждение о выражении в них соперничества Киева с Константинополем, стремления к уравниванию прав на христианское наследие⁵² является преувеличением возможностей Киева первой половины XI в. в сравнении с реалиями Константинополя того времени — центра огромной империи и патриархии.

В связи с символизмом посвящений храмов показательным возведение Мстиславом Владимировичем, братом Ярослава Мудрого, каменной церкви св. Богородицы в 1022 г. в Тмутаракани, где он тогда княжил. Такое посвящение, повторявшее главный храм русской митрополии, символизировало принадлежность этого княжества, далекого от основного пространства русских земель, к Русскому государству и митрополии. Но после Городецкого мира 1026 г., когда Мстислав получил в свое управление земли к востоку от Днепра, он начал строить в своем стольном городе Чернигове кафедральный храм св. Спаса. Теперь его посвящение оппонировало киевской церкви св. Богородицы и культу св. Софии, который утверждал Ярослав.

Те же символы преемственности-вызова создавал Андрей Боголюбский, превращая свой вотчинный Владимир на Клязьме в стольный город могущественного Владимиро-Суздальского княжества. В его городских укреп-

⁴⁹ Каргер М. К. Новгород Великий: Архитектурные памятники. 2-е изд., доп. Л.; М., 1966. С. 22.

⁵⁰ Каргер М. К. Древний Киев. М.; Л., 1961. Т. 2. С. 256.

⁵¹ Коменг А. И. Древнерусское зодчество конца X—начала XII в.: Византийское наследие и становление самостоятельной традиции. М., 1987. С. 230.

⁵² Тологко П. П. Киев — соперник Константинополя // Южная Русь и Византия: Сб. науч. трудов: (К XVIII конгрессу византинистов). Киев, 1991. С. 5—12.

лениях были построены Золотые и Серебряные ворота, как в Киеве. Во Владимире он заложил Успенский собор, что символизировало преемственность-вызов кафедральному храму с тем же посвящением в Ростове — предшествующем политическом и церковном центре северо-востока Руси. Символами Владимиро-Суздальского княжества стали также новые святыни и церковные праздники — культ Покрова Пресвятой Богородицы, со-держательно соединенный с почитанием святого Андрея Юродивого, а также Владимирская икона Богоматери.

Значительные возможности в символической репрезентации князя и княжеской власти создало христианство как государственная религия. В связи с христианизацией Руси и женитьбой на византийской принцессе Анне ок. 988—990 гг. были чеканены на Руси златники и сребреники Владимира I типа. После временного перерыва были чеканены также его сребреники II—IV типов.

Символизм их чекана заключался не только в том, что производство монет в средние века являлось монопольным правом власти. Изображения на златниках и сребрениках Владимира насыщены многими символами.⁵³ Об их соответствии древнерусским реалиям того времени свидетельствует их вес, близкий к современным им золотым византийским солидам и серебряным восточным дирхемам. На аверсе (лицевой стороне) монет Владимира всех типов изображен князь с грозно сдвинутыми бровями, крупным носом и подбородком, с бритым лицом и длинными усами, что близко описанию Львом Диаконом Святослава Игоревича. Поэтому в полной мере обоснована характеристика этого изображения как древнейшего русского портрета, в котором выражены индивидуальные и этнические черты.⁵⁴ Кириллические надписи на монетах «Владимиръ на столе», «Владимир, а се его злато (сребро)», «Владимир на столе, а се его сребро», учитывая символическое значение стола-престола, свидетельствует о единовластии правящего князя. Политическим удостоверением изображений и текста на монете является геральдический трезубец Владимира у левого плеча князя.

Символическое значение имеют также другие изображения на златниках и сребрениках Владимира. Он восседает на престоле, в стемме-венце с подвесками с крестом в центре или в шапке, со скипетром, увенчанным крестом, и в торжественном одеянии (их изображения варьируются). Все они подобны изображениям на монетах византийских императоров X—XI вв. В продолжение наблюдений И. И. Толстого было высказано предположение, что Владимир получил эти регалии от своих шуринов — византийских императоров к свадьбе с их сестрой.⁵⁵ По мнению И. В. Соколовой, такие регалии — лишь следствие того, что древнейшие русские монеты «византинированы». Все же она пришла к выводу, что «тип в целом» дает «возможность судить о том сложном комплексе политических и художе-

⁵³ Свердлов М. Б. Изображение князя на монетах Владимира Святославича // ВИД. Л., 1972. Т. 4. С. 151—159; Сотникова М. П., Спасский И. Г. Тысячелетие древнейших монет России: Сводный каталог русских монет X—XI веков. Л., 1983; Сотникова М. П. Древнейшие русские монеты X—XI вв. М., 1995; см. там же литературу.

⁵⁴ Сотникова М. П. Древнейшие русские монеты... С. 174.

⁵⁵ Свердлов М. Б. Изображение князя...

ственных идей, который сформировал образ на русских монетах».⁵⁶ Но эта мысль не раскрыла всей символической сложности изображений на них.

Регалии на византийских монетах соответствовали императорским инсигниям, так что их символизм соответствовал реалиям современности. Но, отражая действительность, чеканщики не изобразили на златниках и сребрениках Владимира державу — символ императора как главы христианского мира. И. В. Соколова не учла также системные русские реалии княжеского портрета, геральдического трезубца и надписей, невозможные на византийских монетах. Не учтено и подчеркнуто значимое изображение на златниках и сребрениках I типа сапог Владимира с массивными каблуками, что не свойственно византийским «прототипам», хотя красные сапоги входили в число императорских регалий.

Великолепно осведомленный современник Владимира Святославича Лев Диакон при изложении событий постоянно обращал внимание на императорскую обувь и ее цвет как символы власти. Сообщая о Никифоре Фоке, который провозгласил себя императором, он писал: «Наконец и он <...> принял власть и надел красную обувь — высший знак царского достоинства». Аналогично поступил Иоанн Цимисхий после убийства Никифора Фоки: «Совершив свое преступное и богопротивное дело, Иоанн вошел в великолепный дворцовый зал, называемый Хрисотриклином, надел на ноги пурпурную обувь, воссел на василевсов трон и стал размышлять о том, как захватить государственную власть <...>». Сообщая о восстании Варды Фоки против Иоанна Цимисхия, Лев Диакон написал только об одном его символическом поступке: «Он сбросил черную обувь и тут же надел красную; мятежники открыто объявили его императором ромеев». Во время решающего сражения Варде показалось, что его сапоги не красные, а черные. В этом он увидел дурное предзнаменование, которое позднее сбылось.⁵⁷

Такой смысл цвета обуви соотносился на Руси со свойственным средневековым европейским народам значением обуви как символа власти и подчинения, на что обратил особое внимание Я. Grimm. Как давно было отмечено, в ПВЛ это содержание выразилось в свадебной обрядности, изложенной в предании о женитьбе Владимира Святославича на Рогнеде. Отказывая Владимиру, она гордо сказала, подразумевая недостойное рождение жениха от «ключницы» княгини Ольги: «Не хочу розути робичича, но Ярополка хочу».⁵⁸

Еще Константин Багрянородный, дед принцессы Анны и ее братьев императоров-соправителей, предупреждал их отца Романа II: «Если потребуют когда-либо и попросят либо хазары, либо турки, либо также *росы*, или какой иной народ из северных и скифских — а подобное случается частенько — послать им что-нибудь из царских одеяний или венцов, или мантий ради какой-либо их службы и услуги <...>». К таким «неразумным и нелепым домогательствам» Константин отнес также «просьбу» этих народов «о родстве через брак с василевсом ромеев, т. е. либо дочь его получить

⁵⁶ Соколова И. Несколько замечаний по поводу византийских прототипов древнерусских монет // Сообщения Гос. Эрмитажа. 1975. Вып. 40. С. 67–72.

⁵⁷ Лев Диакон. История. С. 26, 50, 60, 64.

⁵⁸ ПВЛ. С. 36; Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в удельной Руси. С. 441–442.

в жены», либо выдать свою дочь за императора или его сына.⁵⁹ Как следует из исторических источников и изображений на монетах Владимира Святославича, русский князь за свою помощь в подавлении восстания Варды Фоки, захватив Херсонес, получил в жены порфирородную принцессу и почти все императорские регалии.

Важнейшим символом на златниках и сребрениках Владимира I типа являлось изображение на реверсе Христа Пантократора, как на византийских монетах. Оно означало принадлежность России и ее митрополии к восточнохристианской Церкви и конкретно — Константинопольской патриархии. В византийском перечне кафедр XI в. эта митрополия указана по названию страны в целом — ἡ Ῥωσία.⁶⁰ Но на реверсе сребреников II—IV типов Пантократор заменен геральдическим трезубцем Владимира, а сам князь изображен с теми же регалиями, но на сребрениках II и IV типов с нимбом — символом освященности княжеской власти, как и здравствующие византийские императоры.

Это изменение на реверсе монет объясняется тем, что Владимир, оставаясь князем православным, осуществлял политику в интересах своего государства. Как написал Титмар, со слов информатора, Владимир осуществлял «большое насилие над слабыми данаями (византийцами. — М. С.)».⁶¹ Он ввел на Руси западнохристианскую десятину. Преследуя самостоятельные цели, поддерживал союзные отношения с германским королем Генрихом II (с 1014 г. — императором) в борьбе с польским князем Болеславом Храбрым. Но когда надо было закрепить в 1013 г. мир с этим князем-католиком, то женил на его дочери своего пасынка Святополка.⁶² После смерти Анны Владимир женился, вероятно, на дочери германского графа, внучке императора Священной Римской империи Оттона Великого (ее имя дискутируется).⁶³

Эти и другие обстоятельства, прежде всего, вероятно, концентрация княжеской власти, а также равные военно-политические и династические отношения с двумя императорскими домами стали сущностным содержанием замены одного символа на реверсе сребреников Владимира II—IV типов другим: Христа Пантократора по византийскому образцу — княжеским геральдическим *трезубцем*, русским по форме и содержанию.

Вследствие концентрации в государстве княжеской власти Владимир Святославич начал на Руси традицию названия городов по имени князья-строителя. Такие города символически маркировали пределы государства, а также обозначали город в составе княжеского господского владения. Маркерами в княжение Владимира Святославича стали Владимир на Во-

⁵⁹ *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. С. 54, 55, 58, 59.

⁶⁰ *Щапов Я. Н.* Государство и церковь Древней Руси X—XIII вв. М., 1989. С. 25—26.

⁶¹ *Латиноязычные источники...* С. 66.

⁶² Там же. С. 80—83; *Назаренко А. В.* Немецкие латиноязычные источники... С. 167—170; см. там же литературу.

⁶³ *Свердлов М. Б.* Политические отношения Руси и Германии X—первой половины XI в. // Проблемы истории международных отношений: Сб. ст. памяти акад. Е. В. Тарле. Л., 1972. С. 290—291; *Назаренко А. В.* Русь и Германия в IX—X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 1991. М., 1994. С. 104—121; см. там же литературу.

лыни, присоединенной к Русскому государству по летописной хронологии в 981 г., а также Василев, названный по крестильному имени князя, построенный Владимиром в числе многих городов-крепостей в южной пограничной зоне страны, которой угрожали набеги кочевников. Аналогичным было происхождение названий городов, построенных Ярославом-Георгием (Юрием) Владимировичем: Юрьев в Чудской земле, южнорусский Юрьев на р. Рось, Ярославль на Волге. Такая традиция сохранялась на Руси до XIII в.⁶⁴

Ктиторская фреска Софии Киевской, изображавшая Ярослава Мудрого и членов его семьи в церемониальных праздничных одеждах, символизировала не только освященность их власти в едином контексте христианского мира,⁶⁵ но также их присутствие для современников и потомков в сакральном пространстве храма.

О постоянной традиции символизма княжеских одежд свидетельствует тот факт, что в киевских храмах Пресвятой Богородицы и св. Софии, как сообщает Лаврентьевская летопись под 6711/1203 г., хранились и были вывешены для обозрения верхние одежды «блаженных первых князеи, еже бяху повешали в церквах святых на память себе». Они являлись символами исторической традиции и знаком единства княжеского рода. Впрочем, они могли стать одним из исторических оснований для претензий каждого из Рюриковичей на киевский княжеский стол. Эти княжеские одеяния были захвачены «в полон» в 1203 г. при разграблении Киева князем Рюриком Ростиславичем, черниговскими Ольговичами и их союзниками-половцами.⁶⁶

В памятниках древнерусской письменности отмечаются и другие символы, в которых являлось сущностное содержание фактов общественной жизни того времени. Символизированное действие подразумевалось еще в Краткой Правде Русской. В содержащемся в ней *Поконе вирном* Ярослава Мудрого в числе денежных и натуральных податей, которые должен был получить княжий вирник, написано: «а переде гривна» (ст. 42). Т. е. вирник только за приезд, до начала взимания огромного судебного денежного штрафа за убийство свободного человека, должен был получить гривну по среднему весу 196 г серебра или по новгородскому счету 51 г серебра.

В названии данной подати *Покона вирного* в составе Пространной Правды Русской — «съсадная гривна» (ст. 9) — символизм сопровождавшего действия выражен еще более ярко. Человек или люди, которые должны были выплатить виру, подносили вирнику гривну, когда он ссаживался с коня.

Но эти действия, символизировавшие государственно-правовую систему в действии, имели также социально-экономическую функцию, поскольку такая гривна вирнику становилась одним из видов материального обеспечения княжого мужа за службу князю, т. е. раннего неземельного феода.

В древнерусской государственно-правовой системе использовались символы как юридическое удостоверение совершенного социального и иму-

⁶⁴ Свердлов М. Б. К изучению древнерусских топонимов как исторического источника // ВИД. Л., 1982. Т. 13. С. 109–131.

⁶⁵ Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. С. 364–376; см. там же литературу.

⁶⁶ ПСРЛ. М., 1997. Т. 1. Стб. 418.

щественного акта, т. е. в соответствии с современной русской юридической терминологией — *сделки* в устной или письменной форме.⁶⁷

В ст. 110 Пространной Правды Русской, которая сформировалась как судебник — основной древнерусский источник писаного права, — вероятно, в киевское княжение Владимира Мономаха (1113—1125) или его сына Мстислава (1125—1132),⁶⁸ свободный человек становился холопом-тиуном, т. е. лично зависимым управляющим в господском хозяйстве, если «привяжетъ ключъ к собе без ряду (договора. — М. С.)» (текст по Троицкому I списку).⁶⁹ Адекватное правовое содержание привязывания ключа как символического юридического действия подтверждается последующим текстом статьи: «с рядомъ ли, то како ся будетъ рядиль, на том же стоять».

Точно установленная словесная формула указана в Древнейшей Правде или Правде Ярослава (ст. 1—18 Краткой Правды Русской), изданной в связи с восстанием новгородцев против варягов в 1015 г. и урегулированием правовых отношений в Новгороде⁷⁰ как символизированное удостоверение истинности юридических действий по поводу возвращения похищенного и проведения словесно-обрядовой процедуры свода. Такая формула приведена в ст. 14: «Аще познаеть кто (ранее в ст. 13 перечислены украденные «чюжь конь, любо оружие, любо портъ». — М. С.), не емлетъ его, то не рци ему: “Мое”, нъ рци ему тако: “Поиди на сводъ, где еси взялъ” <...>» (по Академическому списку). Такие устойчивые словесные формулы становились символами их юридической обоснованности. В античном Риме и ранне-средневековой Византии они стали основой стипуляции как словесно-формульного удостоверения сделки.⁷¹ В раннесредневековой Руси устойчивые диспозитивные формулы с ключевыми словами в устных сделках и распоряжениях — «се купи», «дал есмь», «се порядися», «се приказываю», «се разделися», «се разменишася» — указывали функцию клаузул в формуляре купчих, данных, рядных, договорных, духовных, отдельных и меновных грамот. Вероятно, условный формуляр древнейших писаных актов как символ юридической достоверности сделки повторял устойчивое правовое устное словосочетание, которое включало функциональную клаузулу, адресант, возможно, также адресат, распоряжение, санкцию, а также, по-видимому, удостоверение.⁷²

На государственном уровне и в межличностных отношениях в средневековый период важнейшим символическим их удостоверением стало крестоцелование.⁷³ Его значение, возможно, наиболее выразительно подчерк-

⁶⁷ Куник Я. А. Сделка // Юридический энциклопедический словарь. М., 1984. С. 326—327.

⁶⁸ Свердлов М. Б. От Закона Русского к Русской Правде. М., 1988. С. 106—170; см. там же литературу.

⁶⁹ Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в удельной Руси. С. 442.

⁷⁰ Там же. С. 30—35; см. там же литературу.

⁷¹ Станиславский А. Г. Об актах укрепления прав на имущества. Казань, 1842. С. 83—84.

⁷² Свердлов М. Б. Древнерусский акт X—XIV вв. // ВИД. 1976. Т. 8. С. 50—69.

⁷³ Здесь и далее о символизме удостоверения сделок см.: Евгений (Болховитинов), митр. О разных родах присяг у славян и руссов // Тр. и зап. ОИДР. 1826. Ч. 3, кн. 1. С. 77—88; Макаров М. Древние и новые божбы, клятвы и присяги русские // Там же.

нул летописец, который писал в Н1Л ст. под 6776/1268 г. о тех, кто, «крест целующе и паки преступающе, а не ведуще, кака есть сила крестная: крестомъ бо побежены бывають силы бесовьския, крест князем пособить в бранех, крестомъ огражаеми верни людие побежають супротивныя; иже бо крест преступають, то и сде казнь приимають, и на ономъ веце муку вечную». ⁷⁴ Это утверждение обобщило символический смысл многих других предшествовавших летописных текстов о крестоцеловании и о нарушении его.

Наряду со словесным удостоверением сделки в средневековый период для той же цели использовалась символическая обрядовая и словесно-обрядовая процедура. *Дерн* как символ продаваемой и покупаемой земли широко применялся в древности на Руси, но позднее он был заменен христианским «символическим обрядом» — хождения по межам с иконой.

Символами правового удостоверения на Руси являлись также *солома, рука и рукобитье, пола одежды, пергатка (руковица), вино, оружие, копье, волосы и борода, гелобитье, пополонок* (возвращение в увеличенном размере) и, кроме того, отмеченные *обувь и клюз*. ⁷⁵

В средневековый период символические словесные, словесно-обрядовые и письменные закрепления частных сделок имели равное юридическое значение. Об этом свидетельствует новгородская «докончальная» грамота середины XV в.: «И став на земли, покончаша промежь себе и Иване Васильеве Губареве, а *грамот на тую землю не положиша никакихых*. А пойти Ивану по докончальной грамоте по данои с того ручья, где стояле кончане с Иваном, *поговорили и по рукам побили <...>*». ⁷⁶

Немногим более ста лет назад Н. П. Павлов-Сильванский, завершая свое исследование, посвященное символизму древнерусского права, писал, что сделанный им «обзор наших символов» неполон, а «пробелы» «должны быть восполнены дальнейшим исследованием предмета». Но и на основании собранных им материалов его выводы убедительны: 1) «нашему праву символика была несомненно свойственна так же, как праву германскому», 2) «наши символы обнаруживают то же близкое родство с германскими, как и все наше древнейшее право, возникшее на общей арийской основе», 3) «символы имели в нашем древнем праве гораздо большее значение, чем о том можно судить по немногим сохранившимся известиям». ⁷⁷

Изучение символов в средневековой исторической действительности позволяет значительно расширить и углубить научное знание о ее содержании. Символы были распространены во многих составляющих светской и духовной жизни уже в древнейший период истории российской госу-

1828. Ч. 4, кн. 1. С. 184–218; *Колмыков П. Д.* О символизме права вообще и русского в особенности. СПб., 1839; *Станиславский А. Г.* Об актах укрепления прав на имущество. С. 42–90.

⁷⁴ Н1Л. С. 87.

⁷⁵ *Павлов-Сильванский Н. П.* Феодализм в удельной Руси. С. 427–451; см. там же литературу.

⁷⁶ Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949. С. 172.

⁷⁷ *Павлов-Сильванский Н. П.* Феодализм в удельной Руси. С. 452.

дарственности. Как показывают теоретические разыскания, а также конкретные исторические и филологические исследования, символы в многообразных видах экономических, социальных, политических отношений, в идеологии и духовной жизни являлись выражением их сущностного содержания. Так что для более глубокого анализа всех сторон средневековой русской жизни, включая историю повседневности, необходимо продолжение исследований древнерусских символов, на что в полной мере обоснованно обращали внимание наши предшественники.